

ЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ОКОЛОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Н.И. Мартишина

Сибирский государственный
университет путей сообщения,
Новосибирск

nmartishina@yandex.ru

В статье рассматриваются логические особенности околонаучного знания – концепций, которые представляются как научные, но не отвечают критериям научности в полном объеме. Выделены маркеры околонаучного знания, т. е. характерные логические приемы, по которым может распознаваться околонаучное знание.

Ключевые слова: демаркация науки, критерии научности, паранаука, псевдонаука.

Пережив своеобразный бум в конце 1980–1990-х годов XX века, околонаучное знание в различных модификациях – паранаука, псевдонаука, девиантная наука и др. – заняло устойчивую нишу в жизни современного российского общества. Стали привычными астрологические прогнозы в печатных изданиях и телевизионные состязания экстрасенсов, периодически вспыхивают кампании с явной паранаучной составляющей в риторике (например, против генно-модифицированных продуктов или прививок). Госдума обсуждала (хотя, надо признать, пока отвергла) проект закона «Об энергоинформационной безопасности населения»... Создавшийся фон постоянного присутствия околонаучного знания в определенном сегменте массового сознания определяет и сохраняющуюся актуальность как социально-философской рефлексии над ситуацией, так и логико-гносеологического ее анализа: поскольку

продолжается приток концепций и разработок, которые должны быть как-то размещены относительно линии демаркации науки и не-науки, эта линия должна все время возобновляться.

На наш взгляд, концепции, околонаучный характер которых более или менее осознается (та же астрология), менее потенциально опасны, чем течения, статус которых еще не до конца определен и которые активно позиционируются в качестве научных. Инструментарий для их гносеологической оценки требуется не только для ориентации общественного мнения, но и для принятия организационных решений, поскольку возникают вопросы о целесообразности их финансовой поддержки, допустимости включения в образовательный процесс, возможности квалификационного признания.

Наиболее общим методологическим основанием для оценки научного статуса

конкретных концепций являются критерии научности. Вместе с тем большинство этих критериев, адекватно отображая сущность научного способа познания, недостаточно функционально определены для принятия однозначных решений о научности конкретной концепции. Например, критерий обоснованности бесспорно является одним из центральных критериев научности. Сущность его состоит в требовании наличия основания у всякого утверждения, включенного в научный дискурс; обоснованность предполагает существование эмпирических данных и/или теоретических выкладок, подтверждающих выдвигаемые положения, неприятие бездоказательных утверждений, организованный скептицизм. При всей значимости данного критерия его эффективность на уровне локальной концепции не всегда является высокой. С одной стороны, в пространстве науки, поскольку она развивается, всегда достаточно много не вполне обоснованного знания (гипотеза потому и является таковой, что ее обоснование еще должно состояться). С другой стороны, адепты околонуучных концепций, как правило, активно предъявляют то, что считают доказательствами: описания собственных наблюдений и проведенных экспериментов, свидетельства очевидцев, статистику, расчеты, теоретические рассуждения, ссылки на древние источники. И убедить их в том, что субъективное, ничем не подкрепленное свидетельство, невозпроизводимый эксперимент, отвлеченные теоретические выкладки, соображения о нравственной ценности той или иной позиции не являются надежной доказательной базой – задача, сравнимая по сложности с содержательным анализом самой околонуучной концепции. Для массового сознания ситуация выглядит так: обсуждаемая концепция имеет основания, а если

профессиональные ученые не удовлетворены их качеством – так пусть сами и поработают над проверкой.

В качестве альтернативы ученые второй половины XX века, борющиеся с экспансией околонуучного знания, неоднократно формулировали «критерии ненаучности» – признаки того, что некоторая концепция уже изначально должна быть поставлена под сомнение. Но эти критерии выражали чаще определенную оценку, что также затрудняло возможность их применения именно в виде критериев. Так, в одном из первых предметных исследований А.К. Сухотин назвал «несмыслаемыми приметамн лжеуученого» «чрезвычайную влюбленность в свое доморощенное и воинственное неприятие идей других»¹. Несколько ранее А.Б. Мигдал обозначил как признаки ненаучной позиции нетерпимость к опровергающим доводам, претенциозность и малограмотный пафос, невежество и антипрофессионализм, агрессивность². Опять-таки трудно отрицать, что околонуучные концепции часто обладают этими качествами, но насколько однозначно их проявление для демаркационного анализа? Возможно, с точки зрения представителя лженауки (а то и стороннего наблюдателя), воинственное неприятие чужих идей в не меньшей степени проявляет ученый, никак не желающий прислушаться к заявлению: «Хотя никакие приборы не могут помочь исследователям распознать характер излучений, исходящих от рук целителей, сам феномен от этого не перестает существовать»³.

¹ Сухотин А.К. Превратности научных идей. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 209.

² Мигдал А.Б. Поиски истины. – М.: Молодая гвардия, 1983. – С. 53–54.

³ Горбовский А.А. Тайная власть, незримая сила. – М.: Изд-во Общества по изучению тайн и загадок Земли, 2001. – С. 127.

Таким образом, при относительной ясности общих принципов проблема демаркации науки и околонучного знания нуждается в дополнении решениями прикладного, операционального характера, работающими на уровне конкретных концепций и дающими при этом демонстрируемые результаты. Очень интересную работу в этом направлении проделал Е.Д. Эйдельман⁴, составив анкету для оценки качества разработки, претендующей на признание научной. Анкета включает такие вопросы: «Имеет ли автор образование, соответствующее теме?», «Имеются ли обзоры специалистов по данной теме в рецензируемых журналах (указать хоть один)?», «Имеются ли в публикациях автора благодарности другим лицам за обсуждение полученных результатов?», «Нужно ли для реализации излагаемых сведений действовать в рамках существующих правил и процедур?», «Можно ли изложить сведения, сообщаемые автором, в терминах, используемых в учебниках для средней школы и младших курсов вуза?» и т. п. Всего анкета включает 18 дихотомических вопросов, по каждому из них за один из вариантов ответа начисляются баллы, и «источник», набравший установленную сумму баллов, «не заслуживает доверия». Хотя некоторые формулировки этой анкеты оспаривались (в частности, вызвало обоснованные возражения научного сообщества начисление штрафного балла за высокий процент философских и методологических суждений в работе), в совокупности этот набор вопросов, на наш взгляд, полностью оправдан, хорошо отражает ситуацию (в частности, апелляция к доморощенной философии по конкрет-

⁴ Эйдельман Е.Д. Ученые и псевдоученые: критерии демаркации // Здравый смысл. – 2004. – № 4 (33). – С. 13–16.

ным поводам, требующим конкретной же аргументации, действительно является знаковой чертой околонучного знания) и позволяет эффективно принимать решения (экспертам, редакторам научных изданий и даже широкой публике).

Анкета Е.Д. Эйдельмана, как указывает сам автор, предназначена для внешней оценки концепции, без проникновения в ее суть и содержание. Предложенные им критерии демаркации можно в большинстве случаев назвать институциональными: устанавливается степень реального признания концепции в профессиональной научной среде. Представляется возможным предложить также группу логических критериев, т. е. выделить набор приемов представления и обработки информации, характерных именно для околонучного знания. В той мере, в какой логика отвлекается от содержания мышления и представляет собой его технологию, относительно независимую от предмета, этот набор тоже формален, т. е. реализуется без погружения в совокупность утверждений концепции (и нам кажется, что этот путь в целом правилен). Рассматривая околонучное знание в логическом ракурсе, можно обнаружить ряд воспроизводящихся в нем схем рассуждения и построения изложения, ненормативных для науки. Выделив эти особенности, можно использовать их в качестве логических маркеров околонучного знания, в дополнение к институциональным определителям.

Прежде всего обратим внимание, что среди критериев научности есть некоторые более функциональные по сравнению с основной группой. Это критерии, специально разработанные (или интерпретированные) для задач демаркации науки и не-науки: критерий фальсифицируемо-

сти К. Поппера, куновская версия критерия простоты и «прогрессивный сдвиг проблем» И. Лакатоса, также поддающийся интерпретации, нацеленной на демаркационные задачи. Первые логические маркеры околонаучного знания могут быть сформулированы на основе этих критериев.

К. Поппер справедливо указал, что «легко получить подтверждения, или верификации, почти для каждой теории, если мы ищем подтверждений»⁵ – доказательством тому является способность сторонников околонаучного знания превращать в подтверждения теории самые спорные свидетельства (например: если на камере, снимавшей паранормальное явление, не осталось никакой записи, значит, паранормальное явление было подлинным). Соответственно, настоящей проверкой теории является попытка не подтвердить, а опровергнуть ее, сделав, например, «рискованное предсказание», т. е. выдвинув утверждение, что в определенных условиях должен наблюдаться некий факт, который без этой теории мы не предвидели бы. Если теория выдерживает такую проверку (рискованное предсказание выполняется), это серьезное свидетельство ее научности. При этом рискованное предсказание следует отличать от предсказания, например, ожидаемого и на основе других теорий и/или просто здравого смысла события или от широко распространенного в околонаучном знании «предсказания задним числом»: после глобальной катастрофы обычно провидцы по всему миру начинают утверждать, что они это предвидели, но никаких документальных подтверждений того, что действительно заранее было предсказано конкрет-

ное событие в конкретный момент времени, чаще всего не приводится.

С точки зрения критерия фальсифицируемости «эйдельмановским» критическим вопросом к оценке концепции будет вопрос: «Проводились ли в рамках исследования какие-либо разработки (контрольные эксперименты), направленные на попытку опровержения теории?» С методологической точки зрения это вопрос: «Существует ли такой расклад, ход событий, результат эксперимента, при котором следовало бы признать, что концепция неверна?» Это действительно критический вопрос, поскольку, с точки зрения сторонников околонаучных концепций, отрицательный результат свидетельствует о том, что исследование должно продолжаться. Логический маркер, на наш взгляд, может быть сформулирован более сильно: в околонаучных концепциях присутствует встроенная защита от фальсификации. Иными словами, в них не просто не входят попытки подвергнуть концепцию какому-то дополнительному фальсифицирующему испытанию – в них, напротив, наличествуют специальные оговорки, неявно нацеленные на сохранение концепции в том случае, если попытка фальсификации все-таки появятся.

К наиболее распространенным приемам такой защиты относятся, во-первых, предупреждения об усредненном характере всех выявляемых закономерностей (например, астрологический прогноз точно выполняется только для типичных представителей знаков); во-вторых, специально сохраняемая степень неопределенности в прогнозах (например, предсказание «Придется столкнуться с преодолением внешних препятствий» сбудется почти наверняка) и внутренняя увязанность рекомендаций, превращающая их, по существу, в тав-

⁵ Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: АСТ: Ермак, 2004. – С. 68.

тологии (например: «Задуманное вами получится, если вы сумеете учесть все необходимые детали» – а если не сумел их учесть, то прогноз все равно был правильным, ведь импликация выполняется). Классическим приемом встроенной защиты является и указание на наличие определенного субъективного настроя для реализации предписанных действий (например: целительное средство поможет, только если вы всей душой будете верить в выздоровление). Введение связки «результативно применять концепцию можно, только избавившись от скептицизма» полностью перекрывает возможность фальсификации.

Критерий простоты, имеющий длинную методологическую историю, Т. Кун объяснил следующим образом: для теории быть простой означает «вносить порядок в явления, которые в ее отсутствие были бы изолированы друг от друга и составляли бы спутанную совокупность»⁶. Иными словами, критерий простоты предполагает, что научное знание устанавливает закономерность, которая, пронизывая россыпь локальных данных, объясняет их по единым принципам и связывает в общую картину действительности. Альтернативой является построение гипотез *ad hoc*, т. е. создаваемых по отдельности для объяснения только некоторых фактов. Критерий простоты также отсекает построение дополнительных предположений там, где имеется достаточное объяснение на основе универсальных представлений: не следует умножать число сущностей без нужды («бритва Оккама» является одной из первых формулировок этого принципа в истории познания).

⁶ Кун Т. Объективные, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки. – М.: Логос, 1996. – С. 62.

Околонаучное знание, как правило, работает как раз в пограничной зоне, используя пространство гипотетически возможного. Если есть следствия, которые напрямую вытекают из опыта, и есть более широкий круг объяснений и предположений, которые опытом не подтверждены, но и не исключены, то наука, в соответствии с принципом простоты, считает правомерным использование первых, а околонаучное знание – вторых. Например, существует четыре основных типа физических взаимодействий, существование пятого – торсионных полей – не подтверждено нормативной наукой, но и не противоречит существующим физическим представлениям. Ученый-физик говорит по этому поводу: «Это абсолютно невозможно увидеть современными средствами регистрации. Значит, для нас этого поля нет»⁷; для околонаучного знания это разрешение допустить, что поле есть, и начать говорить о его свойствах.

Данное различие дает нам возможность выделить два связанных логических маркера околонаучного знания: максимизация исходных допущений – признание реальным не только того, что обнаруживается в опыте, но и таких сущностей и сил, наличие которых не опровергается эмпирическими данными, т. е. отождествление возможного и действительного при переходе от эмпирии к теории. Это смещение дополняется отождествлением возможного с достоверным в логическом развертывании теории: суждения, которые вводятся как допустимые предположения, на следующем шаге используются как признанные идеи и кладутся в основание дальнейших логических построений. Происходит смещение модальности высказываемых утверждений:

⁷ Кругляков Э. П. Вечный двигатель лженауки // Эксперт. – 2011. – № 29 (763). – С. 46.

вероятностное утверждение «нельзя исключить, что...» не подвергается дальнейшему обоснованию, а в следующий момент становится несущим элементом в схеме «а поскольку это так, то...». Например: «Механистически мыслящие анатомы рассматривают наши большие берцовые кости и кости голени исключительно с точки зрения сопромата... Но, может быть, имеет смысл взглянуть на эти кости в их поперечнике и как на чрезвычайно сложные устройства типа антенн? А если так, то какие сигналы они принимают, на каких частотах работают? [Из чего следует и практический вывод – Н.М.] ...Может быть, вредно перекрывать мертвенной глухой синтетикой поступление к ним сигналов, посылаемых им самою природой?»⁸ (В нормативном для науки способе рассуждения уже после первого пункта следовало бы остановиться и задать вопрос «А действительно ли кости могут выполнять роль антенн?») В логике использование аргумента, высказанного в виде предположения, до (и без) проверки его правильности квалифицируется как предвосхищение обоснования. Мы же отметим, что присутствие в тексте логических конструкций «Не исключено – значит, заслуживает изучения», «Возможно – тогда из этого мы сделаем следующие выводы» и «Мы утверждаем, что это так, и пусть оппоненты попытаются нас опровергнуть» должно рассматриваться как основание для сомнений в его научности.

Позитивный сдвиг проблем, описанный И. Лакатосом, основан на том, что каждая исследовательская программа определяет круг вопросов, которые могут быть рассмотрены на ее основе. Соответственно, при утверждении новой исследовательской

программы решаются некоторые вопросы, поставленные в рамках прежней; снимается или переформулируется другая часть вопросов, с точки зрения новой парадигмы оказывающихся псевдопроблемами, и ставятся новые вопросы. Так происходит прогрессивный сдвиг; он означает, что научная концепция встраивается в общую канву развития науки, даже в случае существенной трансформации содержания не порывает с ее логикой.

Для околонаучного знания характерна иная ориентация, которую также можно выразить в двух связанных логических маркерах. Манифестация выхода на принципиально новый уровень познания обосновывается в околонаучных концепциях прежде всего указанием на радикальную недостаточность науки в исследовании некоторых вопросов; соответственно, авторы таких концепций ставят перед собой задачу глобального преодоления этой недостаточности, как правило, предполагающего междисциплинарный синтез, а также обогащение науки мудростью древних, религиозными откровениями и этическими установками. При этом предлагаемая концепция рассматривается как уже достигнутое решение, нуждающееся не столько в развитии, сколько во всеобщем освоении и распространении. Иными словами, ни по отношению к предшествующим, ни по отношению к будущим концепциям околонаучная концепция не позиционируется как встроенная в ряд; знаковым моментом является открытое выражение замысла глобального усовершенствования науки. Этот маркер коррелирует с вопросом Е.Д. Эйдельмана «Было ли целью источника сделать фундаментальное открытие по этой теме?» (со штрафным баллом за положительный ответ) и с некоторыми позициями списка А.Б. Мигдала:

⁸ Андреев Ю.А. Три кита здоровья. – СПб.: Интерпринт, 1999. – С. 162.

«Перевороту подвергаются сразу все результаты современной науки; работ меньшего масштаба у автора нет...»⁹.

Следствием такого радикализма является специфика построения категориального аппарата. Направленность исследования не позволяет использовать существующий круг понятий, уточнив некоторые, оговорив рабочие определения других и, возможно, предложив некоторые терминологические дополнения. Весь набор терминов должен быть наполнен новыми смыслами, и предполагается также интеграция большого количества терминов из сферы вненаучного познания. В отличие от научного построения текста (в том числе для учебных целей), где термины постепенно занимают свои места в развертывании логики изложения, в околонучных концепциях чаще всего все термины вводятся одновременно, списочным способом, в начале изложения (в отличие от традиционного учебного глоссария, дублирующего изложение). Создается новый язык, на котором излагаются факты; представление информации на этом языке трактуется как объяснение (хотя имеет место не столько погружение в причинные взаимосвязи, сколько радикальный перевод), в силу чего объяснение события отождествляется с составлением его связного сценария.

К получившемуся списку знаковых логических форм построения околонучного знания представляется целесообразным добавить еще две специфические характеристики, не универсальные, но часто встречающиеся в околонучных концепциях. Идея элементарной панацеи связана с общей интенцией прорыва на новый уровень осмысления и выражается в декларации существования простого и доступного средства

⁹ Миндал А.Б. Указ. соч. – С. 70.

(открытого в ходе прорыва), позволяющего решать самый широкий спектр проблем – например, излечивать множество заболеваний, улучшая при этом психологическое состояние и взаимоотношения. Для науки характерна осторожность в проектировании возможных направлений использования полученных результатов, околонучное знание и здесь максималистично.

Аналогия используется во всех видах познания, в том числе и в науке, но в науке разграничиваются строгая и нестрогая (основанная на простом наблюдении сходства) аналогии, причем нестрогая аналогия допускается как средство построения первичных гипотез, а также способ иллюстрирования и разъяснения уже достигнутого знания¹⁰, т. е. на первом и последнем этапах развития научной идеи. В противоположность этому для околонучного знания характерно использование аналогии как инструмента центральных логических переходов, для получения существенных выводов (например, соображение «Пятерка похожа на тройку, но только имеет хвостик, уходящий в сторону другой плоскости»¹¹ может послужить средством установления особой связи третьего и пятого «тонких тел»).

Итак, мы выделили ряд логических приемов, которые с достаточной регулярностью обнаруживаются в околонучных концепциях. Необходимым моментом использования данного списка на практике является комплексный подход. Если в отдельности каждый из обозначенных логических маркеров вряд ли может быть основанием какой-либо гносеологической оцен-

¹⁰ См., например: Ивлев Ю.В. Логика. – М.: Велби, Проспект, 2006. – С. 135–137.

¹¹ Трошкин И.В. Так кто же вампир? Первое знакомство с основами биофизики или йога света // По лабиринтам интеллекта. – Вып. 1. – Челябинск, 1991. – С. 29.

ки, то присутствие в концепции большинства из них уже достаточно серьезно свидетельствует о необходимости усомниться в ее научном статусе.

Рассмотрим, как проявляются выделенные маркеры в дианетике. Эта концепция, претендуя на научность (она представляется как «наука душевного здоровья»), известна в мире достаточно широко (в Новосибирске в настоящее время функционирует Центр дианетики); после первого этапа ее активной экспансии в Россию в конце 1980-х – начале 1990-х годов XX века ее распространение было ограничено, поскольку было установлено, что по организации она близка к тоталитарной секте. Дианетика запрещена, например, во Франции, но широко признана в США; иными словами, в общественном сознании сохраняется спор о ее статусе. Некоторые моменты изложения сущности данной концепции в основополагающем сочинении Р. Хаббарда, на наш взгляд, могут быть соотнесены с маркерами околонучного знания.

В первую очередь обращает на себя внимание глобальность описания результативности дианетики. Сообщается, что «армии, династии и целые цивилизации исчезли с лица Земли из-за отсутствия этой науки»¹² и что непонимание того, о чем говорит дианетика, служит единственным источником «всех психозов, неврозов, компульсий, репрессий и общественных отклонений»¹³. При этом прохождение дианетической терапии решает практически все ключевые проблемы жизни человека: он никогда больше не заболит многими заболеваниями, у него станут идеальными

зрение и слух, продолжительность жизни будет максимальной, семейные отношения – всегда гармоничными, «уровень интеллекта любого пациента взмывает вверх, как ракета»¹⁴ и т. д. Подчеркивается также необходимость дианетической терапии для всех без исключения, так как людей без аберраций не существует. В сочетании со столь же регулярным подчеркиванием простоты предлагаемого метода здесь определяются признаки элементарной панацеи.

В отношении предшествующей науки дианетика однозначно манифестируется как выход на новый уровень понимания. Она не встраивается в логическую линию развития исследований бессознательного слоя психики, а дезавуирует ее: «Психология – просто наука о психике, и теперь, когда существует подлинная наука о психике, психология может развиваться по собственному усмотрению»¹⁵. Примечательно, что в книге Р. Хаббарда присутствуют ссылки на общие философские идеи о бессознательном (например, у стоиков), но ссылки на труды более близких предшественников (например, З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера) отсутствуют. Имя З. Фрейда в тексте не упоминается вовсе, хотя угадывается зароническим замечанием о концепциях, сводящих все психические проблемы к сексуальным и детским переживаниям. В результате дианетика предстает как принципиально новая наука о психике, не имеющая другой предыстории, кроме цепи заблуждений и ошибок. Кроме того, указывается на необходимость преобразовать на основе дианетики и другие области знаний, создав, например, немикробную теорию заболеваний, новую эндокринологию, социологию, теорию эволюции и т. д.

¹² Хаббард Р.А. Дианетика. Современная наука душевного здоровья. – М.: Воскресенье, Нью Эра Пабликейшнс Груп, 1993. – С. 7.

¹³ Там же. – С. 10.

¹⁴ Там же. – С. 243.

¹⁵ Там же. – С. 212.

Поскольку не используются разработанные концепции бессознательного, не используется также существующий категориальный аппарат (оговорено, что автор избегал сциентистской терминологии, чтобы сделать изложение простым и доступным): анализер, реактивный ум, инграмма, клир... В дианетике построен собственный язык для описания функционирования психики и способов терапии, не соотносенный с другими системами описания; этот язык задан списочным способом «с нуля».

Явно просматривается также смещение модальности от вероятностного к необходимому в логических построениях. Такие положения, как идея значимости бессознательного в человеческой деятельности (признанная в современных научных представлениях), положение о сохранении в бессознательном всех впечатлений жизни индивида, в том числе в пренатальный период (находящееся в стадии изучения), и тезис о том, что разумная часть психики вообще не способна ошибаться (крайне спорный), в равной степени принимаются как постулаты. Далее некоторые тезисы вводятся как предположения, которые можно было бы сделать исходя из дианетики, и без дальнейшей верификации используются как основания для вывода. Так происходит с утверждением о разумности каждой клетки самой по себе, предположение о котором делается на основе общих соображений о динамике выживания: в дальнейшем оно, уже как бесспорное, служит основой для разъяснения механизмов записи инграмм. Аналогично один из ключевых переходов происходит следующим образом: «Дианетика, стремясь получить состояние клир, вынуждена была признать тот факт, что клетки плода записывают ин-

формацию. Дальнейшие исследования показали, что клетки эмбриона тоже фиксируют записи. Потом обнаружилось, что записи начинаются уже в клетках зиготы...»¹⁶. После этого изучение инграмм связывается уже почти исключительно с пренатальным периодом: «Если бы роды были первой инграммой, все могли бы стать клирами за пять часов»¹⁷. В роли исследования здесь выступает простое умозрительное рассуждение. Постулаты концепции, среди которых есть явно нуждающиеся в проверке, используются для выдвижения гипотез, которые, в свою очередь, без дальнейшей верификации становятся основанием еще более смелых выводов.

И наконец, используется достаточно традиционный прием, обеспечивающий защиту от критики. Р. Хаббард указывает, что реактивный ум всячески сопротивляется клированию, «поэтому аудитор, когда он сталкивается... с враждебной дианетической теорией, критическими высказываниями и т. д., слушает не аналитическую информацию, а реактивные инграммы»¹⁸. Иными словами, любая критика дианетики свидетельствует о том, что высказывающий ее нуждается в дианетической терапии, что превращает данную концепцию практически в нефальсифицируемую. Об этом же говорит и характер сообщений об экспериментах: они проводятся лишь по одной схеме. Например, даже не ставится вопрос о том, не может ли эмоциональная реакция на повторение в течение продолжительного времени некоторых фраз быть чем-то иным, кроме обнаружения пренатальных инграмм, и можно ли в данном случае всецело полагаться на мнение пациента. Отношение к

¹⁶ Там же. – С. 165.

¹⁷ Там же. – С. 277.

¹⁸ Там же. – С. 232.

сообщениям пациента асимметрично: если он отрицает наличие инграмм, их поиск продолжается, если же находит их, его слова принимаются как очередное торжество метода. Не возникает также вопрос о том, как влияет на суждения пациента предупреждение о том, что должно обнаружиться. Например, Р. Хаббард упоминает, что пациенты, которым не сказали о существовании пренатальных инграмм, к ним не возвращаются¹⁹; здесь возникает возможность контрольного эксперимента, которая не рассматривается в работе.

Таким образом, большинство логических маркеров околонучного знания обнаруживается в дианетике, что может быть основанием для ее идентификации в качестве данного вида познания.

Умение проводить хотя бы частичную оценку концепции на основании ее логических характеристик, без полного погружения в содержание, – важный навык для рационально-критического мышления в условиях постоянного давления околонучного знания. В некоторых странах обучение «эйдельмановским» и подобным им вопросам (например: «Является автор признанным авторитетом в данной области / профессионалом в этой области / специалистом в другой области?») при столкновении с новой концепцией, которую ее автор называет научной, входит в программу средней школы²⁰. В российской системе образования эта задача пока даже не ставится. Поэтому необходима не только дальней-

шая разработка инструментария идентификации околонучного знания, но и поиск возможностей его интеграции в систему образования.

Литература

Андреев Ю.А. Три кита здоровья. – СПб.: Интерпринт, 1999. – 382 с.

Булобаш Б.В. Естествознание для гражданского общества: британский вариант // *Науковедение*. – 2002. – № 3. – С. 75–85.

Горбовский А.А. Тайная власть, незримая сила. – М.: Изд-во Общества по изучению тайн и загадок Земли, 2001. – 224 с.

Ивлев Ю.В. Логика. – М.: Велби, Проспект, 2006. – 288 с.

Кругляков Э.П. Вечный движитель лженауки // *Эксперт*. – 2011. – № 29 (763). – С. 44–47.

Кун Т. Объективные, ценностные суждения и выбор теории // *Современная философия науки*. – М.: Логос, 1996. – С. 61–82.

Мигдал А.Б. Поиски истины. – М.: Молодая гвардия, 1983. – 239 с.

Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. – М.: АСТ: Ермак, 2004. – 638 с.

Сухотин А.К. Превратности научных идей. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 211 с.

Трошкин И.В. Так кто же вампир? Первое знакомство с основами биофизики или йога света // *По лабиринтам интеллекта*. – Вып. 1. – Челябинск, 1991. – С. 1–113.

Хаббард Р.А. Дианетика. Современная наука душевного здоровья. – М.: Воскресенье, Нью Эра Паббликейшнс Групп, 1993. – 576 с.

Эйдельман Е.А. Ученые и псевдоученые: критерии демаркации // *Здравый смысл*. – 2004. – № 4 (33). – С. 13–16.

¹⁹ См.: Там же. – С. 164–165.

²⁰ См.: Булобаш Б.В. Естествознание для гражданского общества: британский вариант // *Науковедение*. – 2002. – № 3. – С. 75–85.